

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СМЕНА

на студенческой строюке

ОРГАН ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ ВЛКСМ

№ 8 (105) ● 13 августа 1976 г. ● Цена 2 коп.

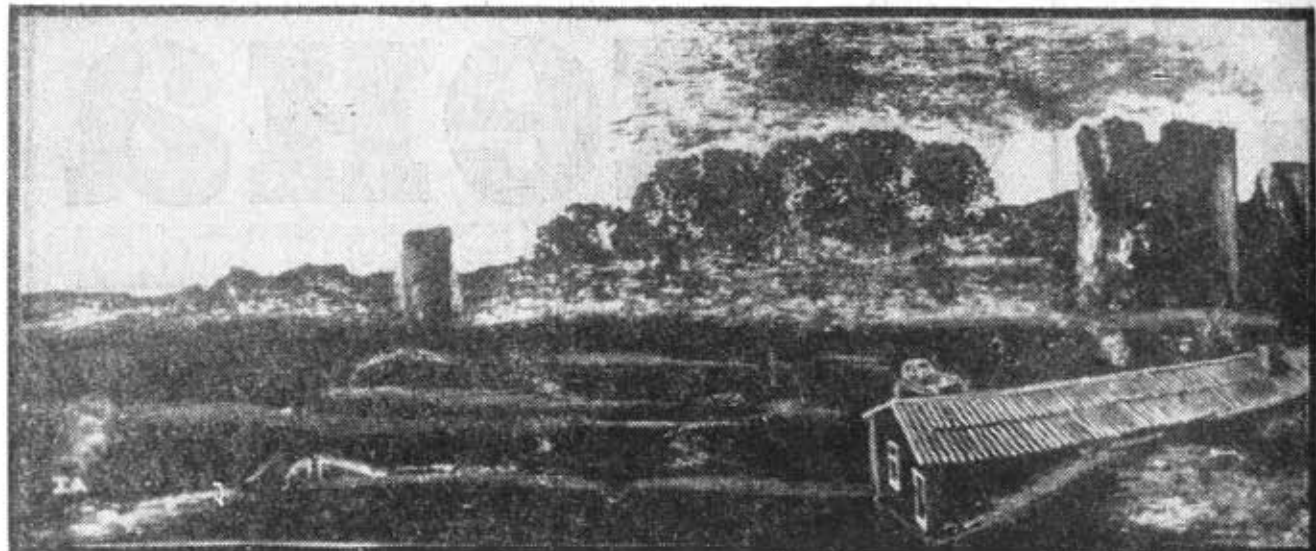

ВСЕСОЮЗНЫЙ
СТУДЕНЧЕСКИЙ
ОТРЯД ИМЕНИ
XXV
СЪЕЗДА КПСС

Это — художники. Они же — мелиораторы. Бойцы отряда «Этюд-76» работают на мелиорации земель во Всеволожском районе. А сформирован отряд из студентов Высшего художественно-промышленного училища имени Мухоминой.

Изрепортаж из Всеволожского района — на 4-й и 5-й страницах.

ШТУРМ КРЕПОСТИ

— ПЕРЕКУРИ — объявил мастер, и лопаты ровными столбиками вросли в землю.

«Реставратор», отряд из ЛИСИ, готовит подъездные пути к крепости Копорье в Ломоносовском районе. Бойцы заканчивают расчистку от вековых оселей арочного моста, по обим сторонам которого стоят две величественные боевые башни. Ребятам предстоит пройти до первоначальной кладки XIII века и восстановить разрушенные места.

Еще на первом курсе «заболели» студенты крепостью, когда три года назад приезжали в Копорье на уборку картошки. Все свободное время проводили они в полуразрушенных лабиринтах каменной громады. Здесь поразило все: и устройство крепости, и ее седая история. Этим летом у студентов по программе реставрационная практика.

— Нашей радости не было предела, — рассказывают они, — когда нам предложили совместить практику с работой в стройотряде в Копорье.

Первые дни для ребят были настоящей пыткой. Хотелось быстрее откопать то, что скрывают под собой десятиметровые слои: может быть, именно твоя лопата наткнется на что-нибудь такое... Какое — они и сами не знали. Только каждый освобожденный сантиметр моста был настоящей встречей с прошлым, щелочкой, через которую можно заглянуть в минувшие века.

...Мы стояли внизу в овраге. Наш гид Родион Каменьщиков молчал, давая время полюбоваться крепостью.

На высокой, с обрывистыми склонами скале возвышаются каменные стены и башни. Даже сейчас они кажутся неприступными. По-

строить такую громаду, не обладая техникой...

Как бы угадывая наши мысли, Родион указал на камень:

— Семь человек пытались его поднять, чтобы убрать с дороги...

— Копорье занимает небольшую площадку скального мыса, — спустя немного времени продолжил он. — Ее размеры 700×200 метров. С двух сторон — с южной и западной — мыс ограничен глубоким оврагом реки Копорки. С восточной стороны преграждает путь к крепости глубокий и широкий ров, проложенный в скальной породе.

Попасть на территорию крепости не так-то просто. Между воротами и мостом — огромная яма, перейти через которую можно было только через специальное подъемное устройство. Это устройство не сохранилось, и путь в крепость кажется почти невозможным.

— Здесь выручает спортивная подготовка, — смеется Родион над своим растерянным видом.

По каким-то привычным одному ему кочкам и выступам проводит он нас на территорию крепости, сплошь заросшую высокой, по пояс крапивой.

Прямо перед нами вырастает из-за деревьев собор, позлаще в груде развалин сохранилась комендантская (канцелярия), построенная уже в петровские времена, когда во второй

половине XVIII века северозападные земли были окончательно освобождены от шведского плена).

Свою первую экскурсию Каменьщиков закончил в отрядном музее, где разместились интересные находки: цветное перламутровое стекло, кованые гвозди, копья, осколки фарфоровой и глиняной посуды.

Нет, нет да и вспыхнет спор: надо ли реставрировать Копорье, не потеряет ли крепость свою ценность после того, как вновь встанет во весь свой рост? Но споры спорами, а реставрация продолжается. Не знаю, как вам, но мне бы хотелось видеть не развалины, которые как две капли воды похожи одна на другую, а крепость во всей ее первоначальной красоте и величии, чтобы почувствовать прикосновение к древним прекрасным и героическим временам.

Пройдет время, и сотни людей смогут прийти сюда, к восстановленному памятнику старины. И чтобы время это наступило скорее, работают бойцы отряда ЛИСИ «Реставратор».

Л. ПЕРАТИНСКАЯ
Княгисепский район

Разговор под шум дождя

РАСТВОР — в носилки, к стене. Шлепок — раз, кирпич — в ряд, еще раствор — еще кирпич, раствор — кирпич, мастерок скоблит, ровняет кладку... Вдруг дождь пошел холодными крупными каплями, смысл раствора с мастерка. Бросились к сарайчику, прыгая через лужи. Дождь уже шумит по крыше. Внутри — сухо. Расселись.

— Так что же такое коммуна? — спрашиваю.

— Коммуна? Как что? Деньги всем поровну.

— А правда, что такое коммуна?

— Это когда работают все вместе!

— Вот раньше действительно были коммуны, в первых отрядах, тогда энтузиазм был...

— Коммуна — это когда все друг другу помогают.

— Все равно мало получим.

— Надо, чтобы в отряде все добровольцами были, а если и ехать не хотели, то какая уж тут коммуна!

— Мы бы и бесплатно работали, если бы для Ленинграда, памятники какой-нибудь строить или озеленять...

— Главное — чтоб весело было, чтоб жизнь кипела, вот что!

— Нет, до коммуны нам еще далеко...

Лица удивленные, задумчивые, насмешливые, заинтересованные. Видно: разговор о коммуне возник впервые. И еще видно: разговор кажется всем явно отвлеченным. Одно дело — «высокие материи», и совсем другое — носилки неповоротливые, кирпич, выскальзывающий из рук, лужи под ногами и двухэтажные нары.

Странная вещь происходит с нами. Все происходящее в мире мы привыкли делить на две неравные части. Гражданская война или испанская республика, Парижская коммуна или взятие Монкады — все это события особого порядка. Они могут вызвать в нас дрожь и слезы, радость или ненависть. И совсем другое — события будничной жизни, которые совершаются рядом с нами и нашими руками. Будни как будто идут по раз заведенному кругу, и нет вроде той остроты, когда надо выбирать: или — или, и высокие слова не подходят для будней, и порывы и страсти — не для всех. И кажется, самые важные, замечательные события свершаются в той, другой, небудничной жизни. У будней иной тонус.

Коммуна — тоже из области необычного. Коммуна, наверное, когда-нибудь будет, и когда-то («когда был энтузиазм») коммуна была, но сегодня, сейчас, в этот дождливый день, она, ей-богу, неправдоподобна. Ты, я, мы — коммуна?

Командир Саша Гельбарт взял накидку, вышел посмотреть, не прояс-

— Вот я в прошлом году был в отряде, — говорит беленькая, стриженная под мальчишку Оля, — так там только дисциплина, и все. А здесь отношения проще, душевнее...

Командир думает

НА ЭТОТ раз Гельбарт решил обойтись абсолютно без нарядов и наказаний, хотя в прошлом году прослыл самым жестким мастером в институте. В прошлом году у него на объекте отлично работали все. Может быть, поэтому Гельбарта и назначили на этот раз командиром второго факультетского отряда.

Слава самого жесткого мастера радости Гельбарту принесла мало. Он ее пережил, переосмыслил и в конце концов пришел к выводу, что противоестественно заставлять отряд делать то, что нужно самому отряду.

В институте Гельбарт работал в идеологическом секторе факультетского бюро. Стройотрядовскую жизнь привык он видеть, так сказать, одним из звеньев в общей цепи событий. Десять месяцев в году студент занимается учебной. И хотя существует студенческое самоуправление и учится студент для себя, но прогулял лекции — деканат наказывает, не сделал лабораторные, завалил экзамен — снова наказание, и т. д. Неужели же штаб стройотряда должен превращаться в «маленький летний деканат», карающий за проступки? Командир, мастер, комиссар организуют работу. Но не может быть внешней силы, которая бы регулировала само существование жизни студента.

И с той же методичностью, с какой прошлым летом Гельбарт до предела «закручивал гайки», теперь он предоставлял каждому полную свободу. Он решил полагаться исключительно на сознательность. И наблюдал, что из этого получается.

Когда, шагая с одного объекта на другой, он вдруг видел, что бригада идет с работы на час раньше срока, прежний жесткий Гельбарт просыпался в нем и кричал голосом, от которого все замирали на дороге:

— Кто разрешил уйти с работы? Ему объясняли, что сегодня банкный день. Он начинал возражать, что ведь решал работать девять ча-

сов, а значит, надо... Но вдруг отступал в сторону, освобождая дорогу:

— Хорошо, я согласен.

Он вспоминал о сознательности, которая должна наконец проявиться. Но при взгляде на едва подымавшиеся стенки, которые тридцать новичков складывали уже десятый день, ему становилось горько и обидно. Шесть человек, таких, как он, Гельбарт, подняли бы этот несчастный склад в неделю.

Вообще-то, приняв новую линию поведения, Гельбарт сильно усложнил себе жизнь. Когда он кричал и требовал, то все хотело и ворчали, но понимали, что это нужно. Но теперь, когда он не кричал и не требовал, не давал нарядов, его поведение казалось странным. На собраниях и в личных беседах, когда он говорил о сознательности, все слушали как-то привычно и спокойно, пропуская мимо себя, как привыкли пропускать уже давно известные, хорошие и правильные слова. Пропускали и ждали, когда он перейдет к главному. А главное было именно в этом: в осознанных действиях каждого — в сознательности. Других слов Гельбарт не знал. Его не понимали. Стали поговаривать, что командир слабоват. Лодырью не называют, дисциплину не поддерживает. Даже поспорили однажды, были ли Гельбарт в армии. Гельбарт удивленно посмотрел через очки:

— Был. А что?

Саша Гельбарт — не лучший командир в истории ССО. Но в нем есть одно очень ценное качество — он все хочет делать по-настоящему. Он хочет построить жизнь в отряде не на нарядах и начальственной иерархии, а на взаимной поддержке и осознанном отношении каждого к их общему делу (опять известные слова!). Все остальное, даже место в соревновании, кажется ему не столь важным. Иными словами, бывший жесткий, мрачно кашляющий еще со времен квартирничества Гельбарт мечтал в конце концов о... коммуне.

Что же мечтать? Ведь Гельбарт, как командир, да и все другие в отряде два месяца назад сами голосовали за то, чтобы принять принцип коммуны.

Комиссар не сомневается

КОМИССАР отряда Володя Жагрин был здоров, не кашлял и о коммуне не мечтал. В районном штабе ему периодически высказывали недовольство из-за того, что лагерь плохо оформлен. Но он не принимал это близко к сердцу и по-прежнему ходил по лагерю своей бодрой, дружинистой походкой. На линейке деловито объявлял:

— Кто к завтрашнему дню не пошьет нашивки — нар-р-ряд.

Планы были в порядке, отчеты тоже, лето катилось, несмотря на все трудности, обычно. Все шло нормально. Каждое утро комиссар вставал с мыслью о том, что надо пойти

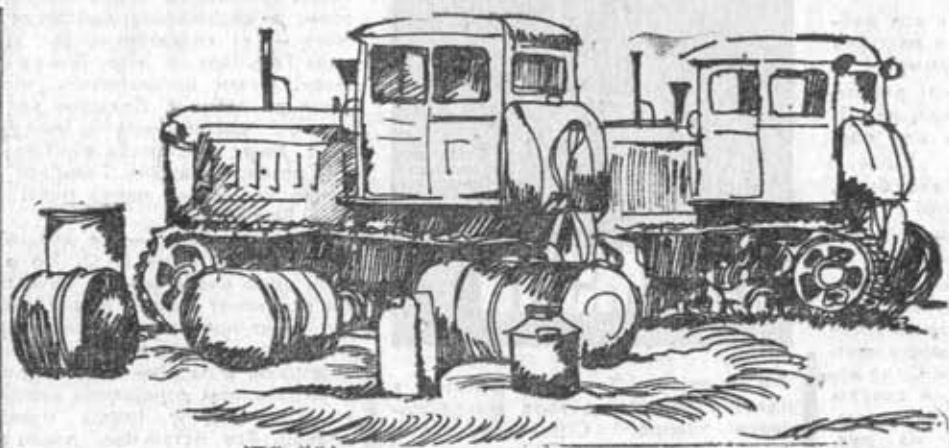
„Э Т С НА“

МЫ СРАЗУ договорились, что будет минимальный. И эпитетов и словесных томов. Все это — задача этих рисунков, бойцов «Этюд-76» РСО «Восточный».

Название отряда, как вы видите, не случайное. Он сформирован из студентов Ленинградского высшего технического — промышленного училища имени Мухомовой.

Большинство рисунков — с работы, которая на них предельно называется мелиорация. К изобразительному рассказу о ней, пожалуй, можно добавить: лотки, которыми мелиораторы укрепляют каналы, весят от 700 килограммов. Самый распространенный здесь инструмент — кувалда, весит до десяти килограммов. Достаточно, но пока что не на всех участках работы она на грани фантастики. Зато на всех участках, как сказал гадир Василий Желтов, «болотники, слепни с кулак, от соли на спине, оборачивают руки — в обморок».

На пейзажных зарисовках и окрестности поселка Куйбышев.

Из репортажа П. О.
М. Тилина, бойцов
корреспондента Л. Аникина

Ю Д “

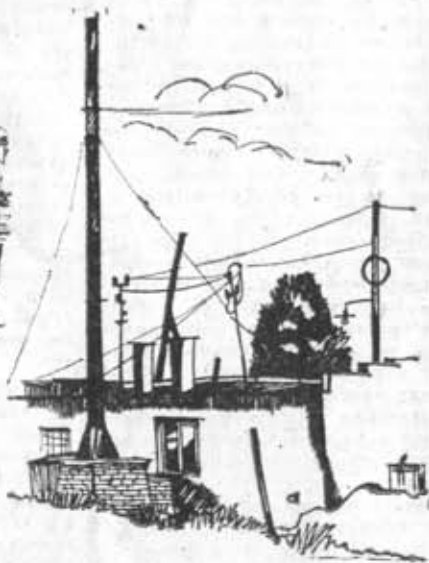
ТУРЫ

скоро будут расти и благоустраиваться такие поселки, а с ними изменятся пейзажи в нашей нечерноземной зоне — это как раз во многом зависит от мелиораторов. Объем работ отряда — 70,2 тысячи рублей. Производственный план перевыполняется.

А после работы для местной средней школы отряд оформляет музей боевой и трудовой славы (15 стендов), краеведческий музей (10 стендов), пионерскую комнату. Для подшефной части — аллею героев. К районному фестивалю подготовили выставку (этюды маслом, акварели, графика) — около сорока работ. Впоследствии она станет передвижной, ее посмотрят и местные жители.

Ребята читают лекции по истории искусства, участвуют в концертах агитбригад, ведут и другую общественную работу. Но — это необходимо отметить особо — не разбрасываются, не хватаются за все сразу, не гонятся за рекордными показателями. По словам командира, преподавателя училища Вячеслава Бобова, в поселке студенты больше всего знают как мелиораторов и художников. Знают и ценят — это главное.

Ю. Ноговицина, А. Кобзаря,
«Этюд» (рисунки) и нашего корреспондента из Всеволожского района.

ТЫ, Я, МЫ — КОММУНА?

(ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 3-й СТР.)

на объект поработать. Он был душевный человек, умел поговорить с каждым искренне и откровенно. Комиссарская работа больших хлопот не доставляла.

— Коммуна? — переспросил Володя и значительно усмехнулся. — Что такое коммуна? Ну, было собрание, ну, подняли ручки, проголосовали, всем ведь ясно, что это формальность. Стоит ли об этом говорить?

Комиссар был честен перед самим собой. Кроме личных забот, в его жизни существовало еще слово «надо». Коварное это слово — «надо». Надо рисовать оформление — нарисуем, надо собрать собрание — соберем, надо проголосовать за коммуны — проголосуем. Но вот здесь, в случае с коммуной, вышла осечка.

Создать коммуны — это не нарисовать стенд по технике безопасности. Создать коммуны невозможно, руководствуясь одним только словом «надо». Потому что это самое «надо» — совсем не решение всех проблем. «Надо» — но кому? «Надо» — зачем? «Надо» — почему? Возникновение этих вопросов вовсе не признак чьей-то политической неграмотности. Скорее, это признак стремления к осознанному (читай — сознательному) действию. Причем есть люди, которые после «надо» обязательно спросят «зачем?», но есть и другие, которые спрашивать не станут, но и дело делать не будут.

Когда комиссар говорит: «Это формальность», высказывается он не о существе дела. Он говорит только о своем отношении к нему. И в его честности есть, по моему, что-то ограниченное: нет коммуны (никто не говорит «надо»), так стоит ли вообще об этом думать?

Итак, командир размышляет, комиссар не сомневается. А коммуны в отряде — нет. И вот что удивительно. Наверное, каждый из тех, кто, не задумываясь, голосовал за принцип, читал или даже отвечал на экзамене: «Пусть будет название попроще», — кстати, недостатки и недочеты первых ступеней новой организаторской работы не будут влияться на «коммуны», а будут возлагаться (как это по справедливости и следует) на плохих коммунистов. Сначала докажи свою способность на бесплатную работу в интересах общества, в интересах всех трудящихся... способность ставить дело образцово, а потом протягивай руку за почетным словом «коммуна».

То, что значение коммуны не под-

ходит для каждого отряда, — это ясно всем. Возможно, кого-то смущает параграф 2 «Инструкции о финансовой деятельности студенческих отрядов», в котором сказано: «Основной формой организации внутриотрядной жизни студенческого отряда является коммуна». Но ведь форма коммуны предлагается лишь как действительно самая оптимальная, и в то же время каждому должно быть понятно, что она не обязательна в директивном порядке, что отряд, выбирая ее общим голосованием, может и должен думать: по плечу ли она ему? Общий котел и справедливая долежка денег — это еще не коммуна. Слишком самоуверенно определяя принцип жизни отряда высоким словом «коммуна» мы дискредитируем его, придавая ему слишком примитивный смысл.

Что выбираешь ты?

НО ДЕЛО не только в дискредитации слова.

Вот командир и комиссар. Два совершенно разные позиции по отношению к коммунам. Я бы даже сказала — противоположные позиции, потому что один считает, что без коммуны и отряд не отряд, а другой — что жить неплохо можно и так, что усложнять — незачем. Но самое печальное в этом то, что оба сошлись в одном пункте — оба голосовали за коммуны, которой нет. Были ли они уверены, что коммуна с этим составом отряда состоится?

Почему же сошлись эти разные точки зрения, которые должны бы бороться друг с другом? Почему тот, кто носит в душе ясный образ коммуны, голосует за блеф о коммунах в отряде? Или это будни съедают смелость и способность к анализу и мы просто, мимоходом, из соображений «все так делают!» молчим или говорим: «Да, когда явно надо говорить: «Нет!» Конечно, встать и сказать «Я против коммуны» — это, на первый взгляд, выглядит странно и неразумно. Но сказать, что «Я против нестоящей, выдуманной коммуны», так же естественно, как стремиться создать ее в отряде. Будни требуют мужества особого рода и очень точного выбора: или — или.

Кому нужна показуха такого рода? Абсолютно никому. Она только уменьшает то, что есть стоящего и хорошего, создает почву для пылких разочарований.

Принцип коммуны мы понимаем по-разному. Иногда очень просто: деньги — порозну. Но если отряд назвался коммуной, а на самом деле коммуной не стал, то принцип этот работает и против коммуны, и против отряда вообще: например, честно работающие обижены, «сачки» укрепляются во мнении, что можно без всяких усилий получать равный заработок.

Чаще всего в существующей ныне коммунах сохраняется принцип распределения по труду: при равном распределении денег бойцам, лучше всего показавшим себя в работе, выделяется премия. Могут выделять-

ся средства тем, кто особенно нуждается в них. Мы знаем примеры, когда отряд отдавал все заработанные средства совхозу, в котором работал. Но было бы неверным сводить принцип коммуны только к распределению.

В коммунах, как прототипе будущих коммунистических отношений, главное — не работа ради получения денег, а рождение новых, коммунистических отношений в коллективе. Это совсем не значит, что коммуна отрицает личные материальные интересы бойцов: ведь студенческую коммуны невозможно вырвать из существующих отношений — экономических и социальных. Даже наоборот, настоящая коммуна удовлетворяет их максимально возможностям отряда. Но коммуна держится на свободной и сознательной дисциплине, где каждый работает в полную меру своих сил и способностей и вполне понимает значение своего труда. Это как раз тот случай, когда не нужны «маленькие летние деканаты», это как раз тот случай, о котором мечтал Гельбарт. Причем он видел его не как что-то возвышенное и отвлеченное, а как реальную необходимость.

Настоящих отрядов-коммуны не так уж много. Но создаются они не из людей какой-то особой породы, а из таких же самых студентов, что работают и в «Электроне-2». И, наверное, каждый из них, попав в коммуны, с радостью принял бы принципы ее нескудной жизни. Но построить ее самим — вот это уже труднее.

Но, посмотрим, что запомнилось бойцам «Электрона» больше всего? Как работали на субботнике, когда командир, и слова не успев сказать о сознательности, начал полоть, все дальше отрываясь от других, и отряд пошел, пошел за ним, пока к концу дня не выяснилось, что каждый боец выполнил дневную совхозную норму (а это для новичка практически невозможно). Потом — отрядная агитбригада, которая подготовила программу в три дня, и после того как показала ее в совхозном клубе, были предложены гастролы по полевым станам. Потом — добровольцы, которые всегда выходят, когда предлагается особо трудная работа. Самый популярный человек в отряде ничем особенным не отличается от других, только работает отлично, лучше всех. Когда в бригадах убедились, что командир своей властью никого не наказывает, то остался один выход — наказывать самим. Бригадир Володя Кожекин взял и поставил своего «сачка» на такой участок, что все сразу поняли, что это «сачок». И осудили его все.

А если попытаться свести воедино сумбурные порой высказывания самих ребят, их представления о лучшем отряде, то начнет вырисовываться именно облик коммуны. Но чтобы стала она реальностью, нужно хорошо знать, к чему ты стремишься, что именно ты делаешь. И только отряд в силах вдохнуть в понятие «коммуна» его истинный смысл.

И. ЕРЬКАЛОВА

АВТОБУС идет по Зеленогорску. «Пионерский лагерь «Искорка», «Детский санаторий «Зорька», «Детский сад «Энергетик» — по требованию, — объявляет водитель. Детский дом-интернат № 2 в графике движения не значится. Но сегодня автобус остановится там — тоже по требованию. По требованию студенческого строительного отряда «Олимп» Лесотехнической академии имени С. М. Кирова.

ГОСУДАРСТВО делает для этих детей максимум возможного. Лагерь дома-интерната расположен на берегу залива в самом красивом месте Зеленогорска. Чистые, аккуратные корпуса, заботливые воспитатели, врачи.

И все-таки ребятам не всегда хорошо. Не хватает домашнего уюта, тепла, обычного доброго слова и ласки: ведь сколько ни старайся воспитатель — невозможно заменить ребенку мать или отца.

«Олимп», пожалуй, мог бы выбрать для шефской работы что-нибудь попроще, поближе к дому, что-нибудь не требующее особых забот. Но ребята решили прийти на помощь именно детскому дому-интернату: здесь особенно нуждаются в заботе, внимании.

Было бы самонадеянно и наивно думать, что студенческий отряд за полтора летних месяца шефской работы сможет заменить и то,

и другое, и третье. И все же...

Командир отряда Саша Микулинский по-хозяйски прикинул: Зеленогорск далеко, отряд работает по девять часов, суббота тоже рабочий день. Следовательно, ездить надо по воскресеньям, небольшими группами, по очереди. Студентам тоже надо отдыхать. Но тут командир просчитался. И если первый «десант», высадившийся в лагере до-

ма-интерната, был небольшим — всего 12 бойцов, то в следующее воскресенье приехали уже 25 человек — больше половины отряда. Ну а девушки не выдерживают и этого графика — вырываются к своим подопечным в будни.

В переполненной электричке (воскресенье!) обсуждали план действий: главное — не то, сколько там настроит, хотя и это важно. Главное — чтобы дети почувствовали внимание, заботу, чтобы им стало весело и интересно.

«Десант» сразу же разделился: мужская половина, вооружившись инструментами, приступила к строительным работам, а девушки — Таня Салунова, Катя Ставничная, Галя Файда, Вера Захарова, — подхватив ребятшек, отправи-

лись к морю. Тут им пришлось вспомнить давно уже забытые детские игры, рассказать кучу сказок, ответить на тысячу вопросов и выслушать (только на ухо!) не один десяток «страшных секретов» и детских забот.

— Вы только никому не говорите, ладно? Сережа очень хочет губную гармошку, он только стесняется...
...А когда возвращались в лагерь, впереди маленьких «олимпийцев», перемазан-

ряде вдруг наступил нравственный перелом.

Еще в пятницу вечером отрядный мастер растерянно говорил:

— Если девочки и появятся на участке, то все равно они будут еле ползать и носить по одному гвоздю.

А в субботу утром весь отряд вышел на объект и под проливным дождем, словно шутя, выполнил все, в общем-то, тяжелые земляные работы. И после такого напряженного рабочего дня ребята за три часа оформили к праздничному, в честь Дня строителя, «огоньку» столовую, а только что созданная агитбригада — Толя Колмаков, Саша Каретников, Боря Пантелеенко и другие — начала готовить концерт для отряда и для рабочих, которые трудятся на том же участке.

Но все это не было неожиданным: перемены в отряде начались раньше. И не с того дня, когда на стройке появился новый прораб, не с того дня, когда командир на вечерней линейке объявил, что исключит из отряда любого, кто будет мешать работать, не с того дня, когда на помощь отряда пришли городской штаб и вуз и потребовали от управления соблюдения условий договора.

Все это вместе довершило перелом в настроении отряда, который начался скорее всего в первую поездку в подшефный интернат, когда ребята впервые почувствовали, что они нужны, почувствовали себя отрядом, а не сборищем вольнонаемных рабочих, поняли, что ощущение необходимости своего труда, в общем-то, важнее, чем самый высокий заработок.

ВЕЧЕРОМ, накануне очередной поездки в Зеленогорск, оживленно, наперебой, словно стремясь наверстать упущенное, ребята строили планы на дальнейшую отрядную жизнь: заново распределяли бригады, обсуждали праздничный «огонек», встреч со спортсменами ЛИСИ, думали, с чем они завтра поедут в интернат.

— Надо не забыть губную гармошку для Сережи, — напомнил Иосиф Дигмелишвили.

— Кстати, — добавил комиссар, — узнайте городской зимний адрес интерната.

ОСТАНОВКА ПО ТРЕБОВАНИЮ

ных до ушей черникой, гордо вышагивала в командирской куртке десятилетняя Вика, и все по очереди несли полный целлофановый мешок ягод — «для студентов, которые строят нам беседку».

А студенты построили не только беседку. За два первых выезда они выстроили лагерь, по существу, целый изолятор, установили забор, починили штакетник и многое другое.

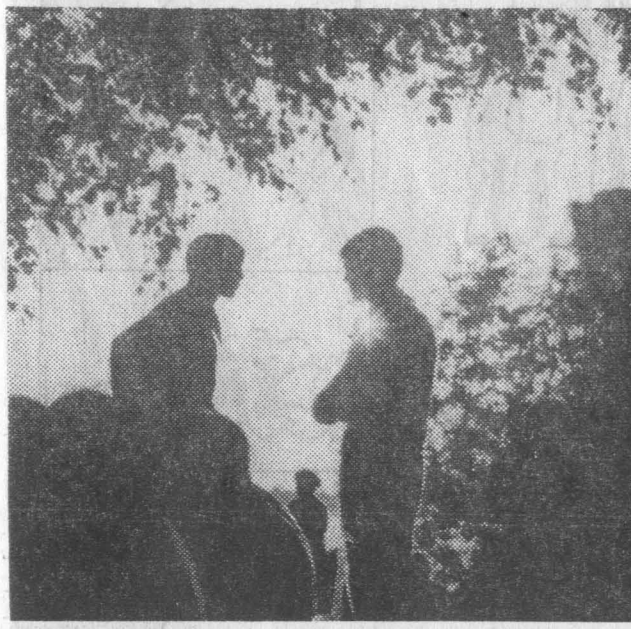
А вечером, подождав, пока главный нарушитель спокойствия и распорядка Лена Колина распрошасется на пожарной лестнице со своей любимицей Ирочкой, шли на пляж и, словно не работали, до последней электрички играли в волейбол, футбол, купались.

«**О**ЛИМП» — не самый благополучный отряд. И шефской работой он занялся не от избытка свободного времени.

С самого начала в отряде не заладилось с работой. Виной тут были и некоторая поспешность в формировании отряда, и конфликтные отношения с главным инженером стройки, организационные трудности, просчеты командира, в первый раз попавшего на студенческую стройку, недисциплинированность самих бойцов. Но самый главный просчет выразился в одной фразе, которую сгоряча бросил кто-то из бойцов:

— Если мы не можем здесь работать, то кому нужен наш отряд?

И в тот самый момент, когда, казалось, конфликт достиг своего апогея, когда в академии уже стали подумывать, не снять ли «Олимп» с объекта, в от-

ДОМОВОМУ Сереже жилось нехорошо. Вагончик, в котором он жил вместе с командиром отряда, был малогабаритный, стандартный. Мыши и пауки в нем не заводились, и Сереже было скучно без знакомых.

Командир, правда, был ничего себе командир: интеллигентный и милый, но уж очень рассеянный человек. Он выбивал для отряда бульдозеры, наволочки и кружки Эсмарха, и ему было некогда замечать тихие чудеса, творившиеся у него в отряде. Он не обращал внимания на то, что у него всегда хватало гвоздей, вовремя звонил будильник и никогда не переводились стержни для шариковых ручек.

Правда, у него не было дурных привычек ставить по углам мышеловки и храпеть по ночам. Когда Сережа приволок в дом породистого сверчка, командир не стал ползать на карачках, поливая койку зловонным дихлофосом, как поступают менее интеллигентные люди, а тихо приказал совхозу поставить животное на довольствие.

Однако ему никогда не приходило в голову поставить под стол блюдечко с молоком и тем более покормить туда хлебushка...

Да, домовому Сереже жилось нехорошо. Отрядный пес холодно игнорировал его с тех пор, как Сережа робко попытался вычесать ему блох.

ВОСЬМАЯ СТРАНИЧКА

ОФИЦИАЛЬНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ
В редакции стало известно, что иные бойцы, не разобравшись, что к чему, пытаются читать газету, не разрезав ее по верхнему сгибу, а периодически переворачивал развернутый лист перед озадаченными лицами. Данный неприятный факт имеет место ввиду недостаточной разъяснительной работы, должно быть и в дальнейшем быть проведена на страницах газеты ответственными за доходчивость предлагаемого бойцам чтением. Все ответственные лица строго наказаны. Редакция извиняется за них перед читателями.

ЦВЕТОК ПЛИНТУСА

Сидя в своем углу за телевизором, Сережа часто думал о Проблеме Великого Контакта, но каждый раз стеснялся.

Почувствовав на своем лице упругие усы сверчка, домовый Сережа горестно вздохнул и полез в телевизор. Он уже вторую неделю переделывал его на цветной, но пока цветной получалась только программа «А ну-ка, девушки!».

В этот раз тоже что-то не ладилось. Сережа уже пришел к выводу, что схему заял сапожник со скверной квалификацией, но в это время полетел конденсатор. Дело было плохо. Чинить конденсаторы Сережа не умел.

Командира в вагончике не было. Сережа полез править еще не закрытые ряды. Не успел он исправить две принципиальные ошибки, четыре технические, как в двери заворочался ключ.

Отрядный пес вилянул было хвостом, но подумал и перестал. Командир вошел и сел. Великими усилиями он пробивал бульдозер, наволочки и кружки Эсмарха. Они не пробивались. Сережа деликатно потянул его за штанину. «Испугается еще, в обморок упадет», — мелькнула шальная мышька, но было поздно.

— Чем могу? — рассеянно спросил командир.

— Конденсатор бы заменить, — сказал Сережа и засмутился.

Командир покивал, черкнул что-то в блокноте, потом шумно уронил какой-то график и сел писать требование на бульдозеры, наволочки и кружки Эсмарха.

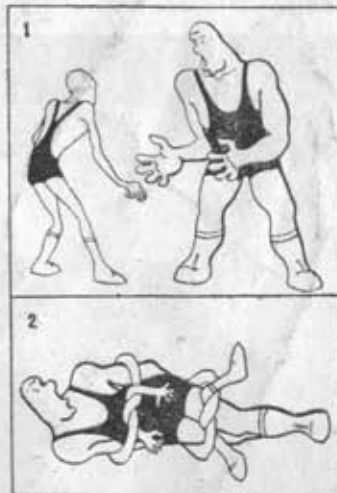
Сережа постоял, переминаясь с лапы на лапу, потом вздохнул и уполз в свой угол за телевизор. Отрядный пес кинул на него иронический взгляд и пошел.

Попытка Великого Контакта сорвалась. Сверчок понял это и тоненько заскулил.

Н. ОСТАШЕВ

НАМ РИСУЮТ ХУДОЖНИКИ Э. БУБОВИЧ и А. ТРИШЕВ

Редактор А. АФАНАСЬЕВ

Наш адрес: 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Телефон редакции 12-87-89

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского